

О. Г. Сидорова

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК И КОНФЛИКТ КУЛЬТУР В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОМ РОМАНЕ

«Все произошло очень быстро. Еще в 1950 г. любое представление об английском как о глобальном языке в условиях политической нестабильности времен холодной войны и отсутствия определенности и целенаправленности было не более чем призрачной, туманной, теоретической возможностью. И вот 50 лет спустя международный английский язык – это политическая и культурная реальность» [Кристалл, 2001, 9].

За последние десятилетия распространение английского языка во всем мире и появление различных вариантов на его основе – феномен, который невозможно не заметить, но в то же время объяснять, оценивать и изучать его можно по-разному. М. Герлах [2002] выделяет несколько направлений в рамках современной англистики, каждое из которых активно развивается на современном этапе:

1. Историческое документирование распространения английского языка, его политические, экономические, культурные причины, классификация этих данных по речевым сообществам, использующим английский (как родной язык, как второй язык, как второй диалект, как иностранный язык), включая сообщества, которые используют пиджины и креольские языки, и оценка соотношенности этих вариантов с нормативным английским.

2. Классификация региональных/национальных вариантов, связанных с возникновением международных языковых норм; социолингвистический анализ вариативности, проблемы престижности/непрестижности.

3. Распределение и возможное доминирование английского в определенных сферах, описание так называемого английского для специальных целей (ESP) в науке и технике, средствах массовой коммуникации и литературе, в авиации, экономике и т. д.; многократно подвергнутое критике влияние английского (американского) в общении на международном уровне.

4. Официальный статус вариантов английского языка с правовой и лингвистической точек зрения, проблемы кодификации в словарях и учебниках. Связанное с языковой политикой и идеологией системное описание «отклонений» от нормы и их интерпретация.

5. Изучение влияния (негативного) английского на другие языки.

Актуальность каждого из направлений, равно как их тесная взаимосвязь, не вызывает сомнений. Определяя роль английского языка в современном мире как «глобальную», Д. Кристалл отмечает: «Язык становится средством международного общения, когда его особая роль признается всеми странами» [Кристалл, 2001, 17], уточняя, что понятие «особая роль» включает в себя множество аспектов, и прежде всего тот факт, что по статистическим оценкам количество людей, использующих английский язык как второй и /или

как иностранный, впервые превысило количество носителей английского языка как родного (в соотношении 55 % к 45 %), и по многочисленным прогнозам [Граддол, 1997] в ближайшие десятилетия этот разрыв будет увеличиваться.

Распространение английского языка оказалось тесным образом связано с возникновением феномена постколониальной (ПК) культуры и постколониальной литературы.

В результате распада империй во второй половине XX в. на карте мира появилось множество независимых государств, возникших на месте бывших колоний. Постколониальная культура – культура, сложившаяся в бывших колониях, вобравшая в себя элементы культуры колонизаторов и поработанных ими народов, по определению Х. Бхабы [1997], обладает свойством гибридности. В рамках ПК пространства две культуры подвергаются активному взаимному влиянию и трансформации.

Неоднозначностью характеризуется термин «постколониальная литература»:

1. «Взятый буквально, термин “постколониальная литература”, очевидно, означает литературу, созданную людьми из стран, которые раньше были колониями других народов» [Брианз, 2001, 3].

2. Несколько позже появляется концепция постколониальной литературы как одного из направлений литературы колонизаторов, которая также оказывает влияние на другие направления данной национальной литературы. Влияние культуры покоренной страны на культуру и литературу колонизаторов может быть различным. Во-первых, эта литература становится «постколониальной» в том смысле, что она находится в состоянии взаимодействия с культурой покоренной страны. Кроме того, после распада империй ряд жителей бывших колоний приезжает на территорию метрополии, становясь носителем двух культурных традиций одновременно.

Ярким примером подобного взаимовлияния культур становится литература Великобритании конца XX века.

Английские писатели восточного происхождения, причисленные критиками к направлению «мультикультурных авторов» [см.: Толкачев, 2002], «новых интернационалистов» [см.: Кинг, 1991], писателей-«андрогинов» [см.: Чхартишвили, 1994] индивидуально, иногда противоположными способами и средствами демонстрируют в произведениях свою объективную принадлежность к культуре пограничья, свою гибридную ментальность. В некоторых случаях писатель стремится принять определенную национальную идеологию, а его гибридная ментальность уходит в подтекст, другие, наоборот, сознательно ее акцентируют. Так, если К. Исигуро постоянно декларирует свою принадлежность к западноевропейской литературной традиции, создает образцовые европейские и даже английские романы (роман «Остаток дня» исследует феномен английскости, легко узнаваемый и воспринятый как таковой не только зарубежными читателями, но и англичанами) [см.: Сидорова, 2001], а в романах, где действие происходит в Азии, занимает точку зрения европейского наблюдателя и использует подчеркнута нормативный британский английский [см.: Валковиц, 2002], то другой известный английский

писатель Тимоти Мо следует прямо противоположной творческой стратегии: в его романах сталкиваются и соперничают разные культуры и разные языковые нормы.

Тимоти Мо родился в 1950 г. в Гонконге в смешанной семье: его мать – англичанка, отец – китаец, известный адвокат. Семья переселилась в Англию, когда будущему писателю исполнилось десять лет. Получив здесь среднее образование, Т. Мо поступил в Оксфордский университет, где изучал историю. После окончания университета работал журналистом ряда известных периодических изданий. На сегодняшний день является автором шести романов, ставших международными бестселлерами.

Тематику и проблематику первых двух произведений Тимоти Мо можно определить в целом как «китайцы дома» («Король обезьян», 1980) и «китайцы в европейском мегаполисе» («Кисло-сладкий соус», 1982). Действие романа «Король обезьян» происходит в английской колонии Гонконг после Второй мировой войны, и место действия выбрано далеко не случайно. Даже сегодня Гонконг представляет собой уникальный сплав культур и языков: «Что поражает большинство туристов в Гонконге и служит источником постоянного раздражения для тех, кто... прожил здесь много лет, это явно противоречивая природа города: его плотно заселенный современный городской центр в окружении сияющей горной цепи на берегу Южно-Китайского моря; соседство английских и китайских надписей буквально на каждой вывеске, ряд современных небоскребов, в тени которых располагаются традиционные рынки, где в клетках сидят живые куры, которых может выбрать покупатель, и их тут же обезглавят» [Мак-Магон, 2001, 119] Причину существования подобного экзотического состояния, раздражающего и притягательного одновременно, следует искать в истории. Возможно, наиболее ярким проявлением конфликта культур в Гонконге является смешение и противостояние Востока и Запада. Оно является результатом британского колониального владычества, которое началось в 1843 г. и формально закончилось в 1997 г. Во времена существования колонии британцы крепко держали в руках власть, давая местному населению мало демократических прав и свобод, однако с самого начала территория развивалась как зона свободного предпринимательства, и этот аспект жизни Гонконга привлекал массы бегущих из континентального Китая людей, особенно в XX веке. Сочетание жестокого колониального управления и гибкой, подвижной усилиями китайцев экономики, создало базу для необычного и динамичного сплава Востока и Запада.

«Но Гонконг существует не только в промежутке между Востоком и Западом. Саму его “восточность” часто описывают как хрупкое, промежуточное состояние. Хотя в Гонконге действительно долгое время правили британцы, близость к материковому Китаю ощущалась всегда – то как угроза, то как утешение. И несмотря на тот факт, что 98 % населения Гонконга – этнические китайцы, проявление их национальной идентичности заметно отличается от идентичности китайцев с материка. Гонконгские китайцы говорят на кантонском диалекте, а не на официально принятом в Китае диалекте пунтухуа. Письменная норма Гонконга представляет собой более традиционную

форму, нежели упрощенная форма, принятая на континенте. Те, кто вырос в Гонконге, хорошо ощущают своеобразие своих культурных ценностей и устремлений» [Мак-Магон, 2001, 121] «В глазах иностранцев жители Гонконга – китайцы, но для жителей материкового Китая они являются представителями Запада» [Сиу-Кай, 1982, 35].

Те же авторы отмечают, что до сих пор рядом с огромным мегаполисом в провинции Кантон существуют китайские деревушки, в которых хорошо сохранился традиционный уклад и образ жизни, практически искорененный в коммунистическом Китае, в которые в поисках корней стремятся хоть на короткое время приехать люди со всей страны.

Описание многонационального гонконгского общества, где бок о бок живут китайцы, потомки колонизаторов-европейцев, откуда лишь недавно ушли японцы, занимавшие эту территорию во время войны служит пестрым фоном для основной сюжетной линии «Короля обезьян». Главный герой произведения – местный уроженец Уоллес Ноласко, потомок португальцев, некогда пришедших на эту землю, сумел по сути, лишь сохранить европейские имя и фамилию, получить какое-то образование и унаследовать от отца неистребимую веру в свое превосходство над окружающими его китайцами.

Роман начинается следующим описанием (все цитаты далее приводятся по изданию: [Мо, 1986]; перевод наш, в скобках курсивом указываются страницы цитируемого текста):

Вообще-то, Уоллес предпочитал держаться от китайцев подальше. Несмотря на то, что его детство прошло в Макао, под желтым боком у китайцев, он все же считал эту расу высокомерной и лживой. Хуже того, они с наслаждением издевались над иностранцами: смотрели на варваров с непроницаемыми лицами и фыркали у них за спиной. Как и другие португальцы, Уоллес умел извлекать из этой ситуации выгоду. Он представлял китайцев и себя каторжниками, скованными одной цепью, потомками настоящих преступников.

Отношения между китайцами и португальцами складывались непросто – каждая сторона смотрела на другую свысока. Уоллес это понимал. Это не означало, что они должны были нравиться ему все время. Он прекрасно говорил на местном китайском диалекте, но делал вид, что не понимает вульгарной крикливой речи.

Пока был жив его отец, мистер Ноласко-старший, директор школы, вдовец и англофил, он часто вздыхал по поводу характера сына. Он говорил Уоллесу: «Пойми англичан, тогда и китайцев поймешь». Уоллес не оспаривал это сравнение. Англичане тоже были нацией искусных лицемеров. Их родственники, американцы, были более прямолинейными, и относительно их еще могли быть какие-то сомнения.

Когда Уоллес получил указания жениться на Мэй Лин, это прозвучало для него также неожиданно, как, скажем, приказ соединиться с белокурой русской или индианкой. Во многих отношениях жениться на китайке было все же легче, хотя, следовало признать, что сам он никогда бы не сделал выбор в пользу семейства Пун.

Следовало, однако, помнить, что у Пунов – или, точнее, у мистера Пуна – были деньги. Много денег, если верить сплетням; у Ноласко же их не было.

Ноласко называли себя португальцами, что было скорее титулом, носимым по обычаю, а не по закону, и благодаря тому, что китайцы упорно поддерживали клановость, таковыми и считались. Но внешне было крайне трудно отличить их от их китайских соседей. Поколения смешанных браков с представителями местного населения уничтожили черты, характерные для их смуглых разбойников-предков, которые четыреста лет назад построили форт на горе над устьем реки.

Время от времени среди португальцев Макао атавизм в виде носа с горбинкой или неазиатского разреза глаз напоминали о прошлом, и обладатели этих замечательных черт с гордостью носили свои имена: *Да Суза, Да Силва, Оливейра, Ремериос*.

У Уоллеса законность его притязаний подтверждалась голубоватым отливом кожи на щеках и подбородке, который сохранялся даже после тщательного бритья. А также квадратной нижней челюстью. Он гордился впадинкой в центре подбородка, имел привычку в разговоре вытягивать шею, особенно если считал, что ему брошен вызов. В остальном, он был маленьким, черноволосым и имел приплюснутый нос, как и всякий житель провинции Кантон (9–10).

Уоллес женится на дочери мистера Пуна, преуспевающего китайского купца и предпринимателя, в надежде получить обещанное богатое приданое – и обнаруживает, что его надеждам не суждено сбыться. Скупой мистер Пун не спешит расстаться с деньгами. В быту он тиран, которого не смеет послушаться ни один член его многочисленного семейства. Его скупость проявляется во всем: дом требует ремонта, семья постоянно мерзнет и голодает, так как существует режим жесточайшей экономии. Единственным зримым проявлением богатства в доме являются слитки золота, которые хранятся, спрятанные, внутри камина (еще один повод не топить). Уоллес оказывается в самом низу социальной семейной лестницы клана Пун, члены которого недовольны появлением в доме «варвара-европейца». Сцены семейной жизни и партизанской войны, которую объявляет Уоллес, очень смешны. Подобно легендарному герою китайского фольклора, Королю обезьян, Уоллес хитростью, расчетом, добродушием, подкупом устанавливает отношения с новыми родственниками и укрепляет свое положение. «“Король обезьян” утверждает, что все мы учимся, имитируя других, что большинство людей зависимы от других, и что жестокость и хитрость – основные свойства человека», – утверждает Брюс Кинг. «Король обезьян – это мистер Пун... который выдает дочь своей второй любовницы замуж за Уоллеса, образованного, но обедневшего жителя Макао... Мистер Пун использует Уоллеса в своих целях, объявив его причиной разразившегося делового скандала, и Уоллес вынужден уехать жить в деревню, где он находит себя как лидер местного сообщества, бизнесмен и муж. По возвращении в Гонконг он занимает место мистера Пуна – Короля обезьян, главы семьи и бизнес-империи» [Кинг, 1991].

Кроме ярких сцен и описаний жизни в крупном колониальном городе и в деревне, картин экзотического окружения и смешения культур, смешных ситуаций в духе комедии положений и комедии нравов, роман затрагивает проблему идентичности – национальной, культурной, личной. Уоллес принадлежит к смешанной постколониальной культуре, и это свойство придает ему силу и устойчивость.

Языковой фактор играет в романе без преувеличения огромную роль: повествование ведется с точки зрения стороннего всеведующего наблюдателя, и язык, который использован автором при создании этой части текста, нормативен, интеллектуален, отличается лексическим, терминологическим, понятийным разнообразием. Реальность, стоящая за текстом, – жизнь азиатского многонационального мегаполиса и маленькой китайской деревушки – описывается детально, пристально, со знанием мельчайших деталей

и особенностей быта, отношений, окружения – но одновременно с использованием логики и языка высокообразованного европейца. Второй языковой слой романа – язык персонажей, который обладает всеми постоянными устойчивыми признаками местного пиджина.

М. Герлах выделяет следующие характерные черты истории китайского пиджина, сложившегося в провинции Кантон: он возник в реальной ситуации билингвизма, при этом в обществе существовала тенденция, давать образование лишь на одном языке (английском либо китайском); он возник как торговый жаргон, что, очевидно, не вело к появлению негативного, пренебрежительного к нему отношения, в отличие, например, от языка рабов. Кроме того, отмечается почти полное отсутствие письменных текстов на этом языковом варианте и тенденция его исчезновения на современном этапе, когда китайцы стремятся учить стандартный английский [см.: Герлах, 2002].

Речь персонажей романа Тимоти Мо «Король обезьян» несет на себе следующие характерные черты гонконгского пиджина, описанного М. Герлахом.

1. Отсутствие флексии в глагольных формах 3 лица ед. числа Present Indefinite:

Their wife go tell them (156).

Uncle Wallace say the big black rat go and eat Grandfather face (242).

Life change so quick, you know (60).

2. Образование вопросов без грамматической инверсии, только с помощью интонации:

You wanted go, Uncle Wallace? (263).

What you did today? (60).

3. Образование множественного числа неисчисляемых существительных, недопустимое в нормативном английском:

And afterwards, I would have fruits and cheeses (95).

Coffees at my house (95).

How do you drank your teas? (60).

И даже: *[I was] doing nothings (152).*

4. Постоянное использование в речи нетипичных и фонетически нехарактерных для английского языка междометий, очевидно, привнесенных из китайского:

What you really did, May, hah? (152).

Wah, Mable! (96).

Wallace wheeled on the boys : «Eiyah!» (263).

5. Неверное использование артиклей, тенденция к их опущению:

Hogan was good boy. Just do a little mischiefs like all boy (271).

6. Интерференция обращений, формул вежливости, таких, например, как обращение к членам семьи в разных ситуациях или калькированные китайских терминов родства: *young sister – elder sister.*

7. Кроме вышеуказанных особенностей, речь героев отличает еще ряд признаков, не выделенных М. Герлахом: используемые в речи личные и притяжательные местоимения не согласуются с существительными по числу,

что, вероятно, объясняется отсутствием категории числа в именной системе кантонского диалекта:

These cloth so rubbishy (63).

They were good boy you got. You could be proud of them (91).

Первый пример в данной группе, а также третий пример из первой группы наглядно демонстрируют еще одну особенность пиджина, которым пользуются герои Тимоти Мо, – недифференцированное использование прилагательных и наречий.

Противостояние культур в тексте романа показано как сложный, многокомпонентный процесс. Китайцы считают всех европейцев «варварами», европейцы смотрят на китайцев свысока и полны сознания собственного превосходства. Уоллес Ноласко считает себя европейцем, но в реальности он является представителем некой промежуточной, гибридной культуры, вобравшей в себя черты многих традиций, существующей в культурно неоднородном обществе. Гибридное сознание Уоллеса не делает его более терпимым к представителям других культур и наций. По сути дела, в начале романа он способен понимать только таких же представителей культурного пограничья, каким является сам. Только войдя в китайскую семью и пройдя путь от бедного приживалы до Короля обезьян, Уоллес начинает понимать эту древнюю цивилизацию. С другой стороны, именно его гибридная сущность помогает Уоллесу пройти сложный путь выживания и самоутверждения – и выйти победителем. Парадокс состоит также в том, что самоидентификация Уоллеса как европейца и его презрение к китайцам, прямо заявленные на первых страницах произведения, не находят подтверждения в тексте романа, оказываясь в конце концов ложными послылками.

Следующий эпизод романа наглядно демонстрирует непонимание, возникающее между представителями разных культур даже в том случае, когда они искренне стремятся понять друг друга. Мистер Пун приглашает важного чиновника колониальной администрации Элердайса провести с ним вечер. Мистер Пун хочет произвести на гостя благоприятное впечатление. Он ведет Элердайса в парк, а затем в ресторан. На вечер также приглашены местные жители, потомки европейцев Уоллес и Мейджер:

Зверинец находился отдельно от парка, спрятанный за зарослями высокого бамбука. Компания провела Элердайса туда. Взлохмаченный орел недовольно смотрел на них через сетку ограждения и не реагировал на оклики Мейджера.

Уоллес указал на маленькую пагоду. Пагода была зеленой с красной крышей и стояла на шести высотой около шести футов.

– Мартышка не хочет выходить, – сообщил Уоллес мистеру Пуну, который тут же подзвал к себе беспризорных мальчишек, игравших неподалеку в камешки. Он дал им несколько монеток.

Мальчишки взяли камешки и подошли поближе. Поток камешков застучал по домику. Испуганная обезьянка выскочила и хотела убежать, но цепь крепко держала ее, и животное закашлялось. Самый высокий беспризорник стал тыкать в нее палкой. Обезьянка прыгала и пронзительно визжала.

Даже мистер Пун заулыбался. Веселый смех Уоллеса, однако, мгновенно угас, когда он повернулся к мистеру Элердайсу, приглашая его повеселиться. Англичанин был мрачен, как

грозовая туча. Он вырвал палку из рук драчуна, об колено разломил ее на две части и этими кусками ударил обидчика по спине. Другие мальчишки разбежались.

Элердайс тяжело дышал: «Маленькие негодяи!» Он отпустил пленника, который тут же убежал, потирая спину. Уоллес не смог понять, что еще говорил Элердайс. На его виске быстро пульсировала жилка. Уоллес никогда не видел его таким красным, даже после самого долгого обеда. Инстинктивно он отпрянул от европейца, устрешенный его размерами и странным ощущением силы. Мистер Пун и Мейджер тоже непроизвольно отступили назад.

Уоллес сделал попытку вернуть ситуацию в нормальное русло, привстал на цыпочки и погладил обезьянку, которая тут же ушипнула его за руку. Он хотел отомстить и дернул за цепочку, но встретился глазами с Эльдайсом, усмехнулся и потрепал животное по спине. Оно снова укусило его.

* * *

– Мейджер, вы понимаете англичан лучше, чем кто бы то ни было, – сказал Уоллес, тщательно моя руки в туалетной комнате ресторана. – Почему он так рассердился всего лишь из-за животного?

Мейджер кивнул. Он тоже был смущен, но придумал объяснение в такси по дороге в ресторан, когда все погрузились в неловкое молчание:

– Ну, это примерно так... Просто для них обезьяна – особое животное. Будь на ее месте собака или лошадь, никто из них не обратил бы никакого внимания. Но обезьяну англичане любят – она напоминает им человека. Ведь обезьяны могут все изобразить. Ты что-то делаешь, даже что-то трудное, глядишь – а она тебя передразнивает и делает то же самое.

Мейджер замолчал. Всем своим видом он попытался изобразить правдивого человека, который, однако, был готов к тому, что ему могут не поверить:

– Еще я слышал, что англичане считают обезьяну своим предком. Правда, правда. Можно сказать, что Элердайс вдруг увидел, как мальчишка запустил камнем в его прадедушку (122–123).

Не будет преувеличением утверждение о том, что постколониальная литература – явление, возникновение которого связано с конкретными историческими событиями второй половины XX в. Постколониальный роман наносит ощутимый удар по концепции культурного евроцентризма, расширяя сферу изображения литературы, привнося в произведения ранее закрытые для европейского читателя культурные нормы и традиции, а также давая им редкую возможность оценить себя со стороны. Следует особо отметить, что европейские писатели восточного происхождения активно используют в своем творчестве европейскую литературную традицию, не разрушая, но обогащая западный литературный канон. Тимоти Мо, чьи романы были впервые опубликованы в Англии и вошли в списки английских бестселлеров, использует вполне традиционные формы европейского романа. Он также не разрушает языковые нормы, язык его произведений – прекрасный английский человека, тонко чувствующего малейшие языковые нюансы, яркого стилиста. Однако, как правило, в каждом романе Тимоти Мо присутствует второй языковой слой – речь персонажей, – противопоставленный языку авторского повествования. В романе «Король обезьян» это лингвистически корректно переданный пиджин Гонконга, где происходит действие произведения. В «Кисло-сладком соусе» – речь китайцев, живущих в Лондоне. Кроме того, в каждом произведении данного автора точно, зримо, ярко представлена ситуация проти-

востояния культур, и автору, который представляет поколение «новых интернационалистов», удастся выразить его искренне и объективно, не становясь ни на одну сторону, не прячась за модные формулы политкорректности. В силу своей объективности и многогранности постколониальная литература приобретает сегодня все более весомое значение, ее гибридный характер проявляется на все уровнях идейно-эстетической системы произведения.

Кристалл Д. Английский язык как глобальный. М., 2001.

Сидорова О. Г. «Английский» роман Кадзуо Исигуро // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 21. С. 53–59.

Толкачев С. П. Образы гибридности в произведениях англоязычных писателей-мигрантов // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. 2003. № 1. С. 24–33.

Чхартишвили Г. Но нет Востока и Запада нет // Иностранная литература. 1994. № 8. С. 254–263.

Bhabha H. The Location of Culture. L.; N.Y., 1994.

Brians P. Postcolonial Literature: Problems with the Term // Paul Brian's home page, com.

Gorlach M. Still More Englishes. Amsterdam; Philadelphia, 2002.

Graddol D. The Future of English? L., 1997.

King B. The New Internationalism // The British and Irish Novel Since 1960 / Ed. By J. Acheson. L., 1991. P. 187–214.

McMahon J. Postmodernism in Bamboo Scaffolding: Timothy Mo's «An Insular Possession» and Xi Xi's «My City: A Hong Kong Story» // Ariel. Nr. 32 (1). P. 119–133.

Mo Timothy. The Monkey King. N.Y., 1986.

Siu-Kai L. Society and Politics in Hong Kong. Hong Kong, 1982.

Walkowitz R. Ishiguro's Floating Worlds // ELH. The John Hopkins UP. 2001. Vol. 68, nr. 4. P. 1049–1076.

Н. М. Мухина

БИБЛЕЙСКОЕ ЭХО КОНЦЕПЦИЙ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОЗЕ: «ЦАРСТВОВАНИЕ СОЛОМОНА» И «СЛУЖЕНИЕ МОИСЕЯ»

Интерпретация современных художественных текстов в философском и культурологическом аспектах позволяет не только выявить глубинные смыслы самих произведений, но и смоделировать духовные ориентиры последних десятилетий, еще не ставших историей. Концепции жизни и смерти человека во все времена составляли философский фундамент культуры. В западной философии XX в. большое внимание уделялось осмыслению понятия «жизнь» как фиксируемой каким-либо образом форме бытия: «длительность» (А. Бергсон), «переживание» (В. Дильтей), «присутствие» (М. Хайдеггер), «жизненный порыв» (Х. Ортега-и-Гассет). С другой стороны, понятия «жизнь» и